

Прощание

Умер Сережа Косицын... Звучит как "испарилось стекло" или "сгорела вода". Странно. Когда-то мы с питерским другом обходили с визитами ветеранов анимации, маститых мэтров — собирали информацию, расспрашивали, общались. Я уговорил его пойти к Сергею — познакомиться, посмотреть его фильмы (их было тогда три). По дороге до Лесной, где жил Сергей, мой приятель, критически воспринимавший современную анимацию, иронично заметил: "К классике идем!" На обратном пути, после просмотра картин и прочтения Сережиных сценариев, слово "классик" в отношении Косицына звучало уже без всякой иронии.

Сергей в моем представлении действительно был последним классиком "Союзмультфильма". Самым молодым. Будущее нашей детской анимации без него представлялось бы почти беспросветным. Но он был, и надежда оставалась.

Он снял всего четыре фильма. На самом деле их должно было быть семь — картин из серии под условным названием "Кто в теремочке живет?". Два сценария категорически забраковало Экспертное жюри Госкино. Седьмой фильм он сделать не успел. Ныне, и присно, и во веки веков это — Кино, Которого Не Будет. Просто нет в кукольном кино аниматоров-эксцентриков, способных снимать так, как это делал Косицын.

Фестивальная тусовка не воспринимала его абсолютно, игнорировала и дискриминировала. Его фильмы не попадали не только в число призеров, но подчас — даже в информационную программу. Хотя таких профессионалов, каким был Косицын, сейчас — по пальцам сосчитать. Сергей делал вид, что ему наплевать — не для этой "публики" он старался.

Они его боялись. Понятно, почему. Он единственный во всем современном извращенном и отравленном снобизмом анимационном "тусняке" оставался верен Норме. Той, истинной, "советской". Когда фильм делается не ради того, чтоб коллеги с умным видом многозначительно кивали головами, а ради того, чтобы дети смеялись.

Другие — самовыражались. Косицын — делал "народное" кино. Эстетов это пугало. Сценарии объявлялись недостаточно изысканными, фильмы — вульгарными. Только дети в зале, не зная этого, визжали от смеха. Это было необъяснимо. "Как же так? Мы обсуждаем проблемы и перспективы детской анимации, стараемся, награждаем способных режиссеров, а дети — в восторге от Косицына!". Обескураженные эстеты в недоумении разводили руками.

Здравствуй и спасибо —

Я когда-то определил для себя, что Косицын — это Котеночкин сегодня. Только Котеночкин необычный — "на куклах" и "с репликами". К Вячеславу Михайловичу на студии было подобное же отношение. А кроме того, "коньком" Котеночкина было смачное изображение стихии разнузданного хулиганства. И Косицын справедливо гордился сценой драки в своем "Празднике" — действительно уникальной для кукольной анимации. Вот интересно, как бы среагировало Экспертное жюри, если бы сценарий "Ну, погоди!" появился в наши дни?

Все мы воспринимали Сергея как талантливую, обаятельную и веселую бесшабашного горлопана. Никто не подозревал, что он способен на Подвиг. На тот героизм, который он проявил, снимая свой последний фильм — "Грибок". В истории анимации были случаи, когда тяжело больные режиссеры продолжали работать над картинами, но тогда за их спинами были съемочные группы, коллеги, которые могли "подстраховать". Косицын был один на один с фильмом, и с тяжелой, страшной, мучительной болезнью. И сражался "на два фронта", продолжал снимать, находясь практически между тем и этим светом.

Теперь, когда Сергея нет, я вообще не вижу перспектив у "Союзмультфильма". Даже не у студии, а у Школы. Не вижу продолжателей линии В.Г.Сутеева, А.В.Иванова, В.И.Попова, В.М.Котеночкина — мастеров, снимавших народное детское кино. Если лирики в этом жанре еще остаются, то комедиографы — на исходе.

Я, наверное, был единственным, кто предлагал Сергею провести его авторский вечер в Музее кино. Но ему это было уже не по силам. А я-то искренне хотел вытащить его картины из союзмультфильмовского "застенка", чтобы проверить: остался ли и зритель сегодняшний верен нормальной, зрелищной, демократичной мультипликации? Хочется верить, что Сергей и его зритель оставались едины и чувствовали друг друга, будучи разлучены невидимой стеной. Наверное, для Косицына существование этого барьера — недоступности его работ для публики — было намного тяжелее фестивального презрения.

А теперь мне остается только глядеть на открытку с его персонажами и перечитывать дарственную надпись: "Жорик, не ссы в трусы — прорвемся!". Пока он был жив, в это верилось. Даже когда он был уже тяжело болен, все равно казалось, что прорвемся. А сейчас в голове лишь стучит, как электричка: "Кина не будет, кина не будет, кина не будет"...

Георгий БОРОДИН